

УДК 81

ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ ДРУГОЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Сухова А.В.

*Ивановский государственный политехнический университет,
Иваново, e-mail: suhova-av@yandex.ru*

В статье представлен анализ поэтического дискурса М. Цветаевой, который осмысливается не как совокупность поэтических текстов автора, но как область функционирования языка, подчиненная особой логике совмещения значений многозначного и многообразно обусловленного слова. Исследование индивидуально-авторской репрезентации концепта *другой* позволяет определить специфику речи поэта, которая проявляется в преодолении кодифицированности дискурса, в «поэтизации» философского осмысления явления и «философизации» поэтического чувства. Примером этому могут служить признания самого поэта в четкости собственных чувств, заставляющей «людей принимать их за рассуждения» [16; 4,2; 112] и предельная формульность размышлений о любви: «Ты, это я + возможность себя любить. /.../ Экстериоризация своей души» [15; 318]. Расширение представления о поэте как о языковой личности, способной вскрыть внутреннюю форму слова (осмысливавшуюся П. Флоренским как «душа» слова и как «факт личной духовной жизни» говорящего) и реализовать потенциал слова в тексте обозначает новые векторы интерпретации и понимания произведений Цветаевой разных жанров.

Ключевые слова: поэтический дискурс, концепт, Я-Ты, «синтетический поэт», принцип дополнительности

PHILOSOPHICAL CONCEPT DRUGOY (ANOTHER) IN M. TSVETAEVA'S POETIC DISCOURSE

Sukhova A.V.

Ivanovo State Politechnical University, Ivanovo, e-mail: suhova-av@yandex.ru

This paper represents the analysis of Tsvetaeva's poetic discourse, which is interpreted not as a collection of poetic texts of the author, but as a language domain functioning subject to special logic in the combination of meanings of the multivalent and diversely dependent word. Investigation of individual author's representations of the concept 'drugoy' (another) allows defining the specific feature of the poet's speech, which reveals itself in overcoming the discoursecodification, in applying poetic approach to philosophical interpretation of the phenomenon and in «philosophication» of the poetic feeling. As an example of the above statements serve the poet's declarations of the precision of her own feelings which make «people take them for reasoning» [16; 4,2;12] and ultimate formulaicity of contemplations about love: «you, it's me + ability to love yourself. /.../ The Exteriorization of your own soul» [15; 318]. The broadening understanding of the poet as a linguistic personality, who is able to reveal the word's inner form (considered by P. Florensky as its «soul» and as a «fact of the personal spiritual life» of the speaker) shows us new vectors of interpretation and understanding of Tsvetaeva's works in different genres.

Keywords: poetic discourse, concept, I-Thou, «synthetic poet», principle of a complementarity

*Дна своего достать без дру-
гого я не могу [15; 293].*

*Я свою автобиографию пишу
через других, т.е. как дру-
гие себя, могу любить исключи-
тельно другого [16; 6,1; 221].*

*Каждый до неба перевоз-
носит в другом — свое, данное
тому в размерах булавочной
головки [16; 4,2; 182].*

Приведенные в качестве эпиграфа суждения из записных книжек, писем, сводных тетрадей М. Цветаевой, равно как ее лирическое наследие («Человеку – надоба / Человека – в нем» [16; 2; 341]), позволяют исследователям утверждать: «“Другой” у Цветаевой, как и у Бахтина, сотериологическое условие существования всякого “я”» [17]. В этом случае *другой* выступает как Ты-субъект, диалог с которым позволяет в большей степени сформировать, а не реализовать мир Я-субъекта, «открыть» Я для

себя, «осознав структуру своей личности (в контрастах)», вынести суждение о себе самом «как об объекте, так как я являюсь другому именно как объект» [12; 298]. Однако подобная детерминация оставляет за пределами внимания специфику восприятия/осмысления *другого* в поэтическом дискурсе, мыслимом не как совокупность поэтических употреблений слова, но как область особого функционирования языка, расширяющаяся в направлении как интересубъективности, так и интертекстуальности, и определяющаяся своеобразной логикой слова, которую Ю. Кристева, размышляя о специфике диалогизма М. Бахтина, определяет так: «многозначное и многообразно обусловленное поэтическое слово следует логике, превосходящей логику кодифицированного дискурса и способной воплотиться лишь на периферии официальной культуры» [9; 428]. Именно пристальное внимание поэта к многозначности слова, к его потенциалу и порождает столь частые

категоричные упреки в «непоследовательности» презентации посредством слова определенной концептуальной доктрины или в (основанной на формальных подсчетах частотности так называемого «верного» понимания / употребления слова) «принадлежности» автора к ней и только к ней. Многообразия презентаций слова в поэтическом дискурсе ограничивает и правомерность указаний «историков литературы, стоящих на точке зрения эволюционизма» [10; 56–57] на укорененность художника в традиции и единственной (часто современной ему) культурной парадигме. Так, в стихотворении Цветаевой «Не в споре, а в мире...» [16; 2; 50] мы обнаруживаем не добавочность, но необходимость *другого* как alter ego, как органичной части (амбивалентного / многоликого Я, в основе которого не борьба противоположностей, а согласие антитетических частей целого: одна, «меч двуострый / Меж грудью и миром / Восставив», и другая, «чтоб не было гостю обиды – / И медом и миром» – «согласные сестры»). Преодоление спора как условия закономерной победы одного над другим в рамках линейной каузальной парадигмы (иной – увлекает, чуждый – подчиняет), «в мире», с большой долей вероятности, является экспликацией логики изменения, которая свойственна, например, близнецному мифу: «По мере трансформации близнецных представлений утрачивается антагонизм божественных близнецов, позднее из мифа устраняется один из близнецов» [7; 176], – а также другим коррелятивным маркерам бинарной модели мира, предполагающим не столько оппозиционность, сколько соотнесенность друг с другом. Свообразным продолжением (и подтверждением) парадигмы амбивалентности Я становится стихотворение «Гордость и робость – родные сестры» [16; 2; 55]. Особенно значимым в нем является отмеченное [8; 164], но не проясненное исследователями творчества Цветаевой разночтение в первой строке: «Сводные тетради» отразили дружбу «розных» сестер Гордости и Робости [15; 61], тогда как «во всех существующих публикациях» – «родные» при полной антитетичности образов велящей: «Лоб запрокинув!», – и шепчущей: «Очи потупив!», – и их слиянности в лирической героине. В свете мандельштамовского тезиса о литературной «преемственности», обусловленной языком, который является определяющим в «принципе единства в вихре перемен», нельзя оставить без внимания факт «опоры» Цветаевой «не на вчерашний, а на позавчерашний исторический день» [10; 86], на текущую и в ней «тяжелую кровь чрезвычайно отдаленных

монументальных культур» в констатации амбивалентной двойственности Я поэта, которую современник К. Бальмонт напрямую возводит к старинным преданиям о рождении Афродиты из вероломной влаги морей и крови небесного света («Ты не знаешь старинных преданий? Возмущаясь, дивишься ты вновь, / Что я двойственен так, вероломен, что люблю я мечту, не любовь?» [1]), а Ф. Глинка в стихотворении «В защиту поэта» лишь констатирует: «Два я боролся во мне: / Один рвался в мятеж тревоги, / Другому сладко в тишине / Сидеть в тиши дороги / С самим собой, в себе самом» [5].

Всесторонне «освоив» и «присвоив» *другого*, «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» [13; 111–113] отразил употребление в текстах местоимения в трех значениях – «не этот, не данный», «не такой, иной», «второй, следующий» – а также как существительного), Цветаева, отрицавшая

1) влияние на свое творчество школ, направлений и течений («Литературных влияний не знаю, знаю человеческие», – парадоксальное в свете утверждения о подражании «14-ти лет» Бальмонту [15; 61], как последнее – в свете категоричного результата рефлексии: «Внутренняя (жизненная) заражаемость при полнейшем отсутствии подражательности – вот моя жизнь и стихи» [15; 47]);

2) чуждость мира и миру («Скажу по правде, что я в каждом кругу – чужая; всю жизнь. Среди политиков так же, как среди поэтов» [16; 6,2; 35–36]), и остававшаяся «под руководством»

А) мысли о «несравненности поэта» («Первый – условность, зависимость, в линии. Единственный – вне. У неповторимого нет второго» [16; 4,1; 19]);

В) логики поэтического, «хождения по слуху» («Я не влюблена в себя, я влюблена в эту работу: слушание. Если бы *другой* так же дал мне слушать себя, как я сама даю (так же дался мне, как я сама даю), я бы так же слушала *другого*» [16; 4,2; 112]), явила в своих произведениях и записных книжках все многообразие философского осмысления «самобытия» Ты, «чуждого и инородного» Я (С. Франк), но необходимого ему и обретшего статус «основополагающего концепта современного европейского самосознания».

Философский дискурс закрепил за *другим* статус понятия, которое фиксирует «некоторый опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей тем не менее Иное по отношению к Я» [11], а также философского концепта во всем многообразии его составляющих и путей его становления [6]. И безусловность обращения

к концепциям диалога, а соответственно, к именам М. Бахтина и М. Бубера понятна. При этом вновь считаем нужным указать на специфику цветаевского дискурса как поэтического и укрупнить мысль О. Мандельштама о «синтетическом поэте современности», в котором «поют идеи, научные системы, государственные теории» [10; 43] признанием самой Цветаевой: «Я не философ. Я поэт, умеющий и думать (писать и прозу)» [16; 7,1; 31]. Наиболее очевидной синтетичность становится в череде признаний дистанцированным в пространстве и времени адресатам. В «Земных приметах» размышления о чувствах отличаются такой «четкостью», что действительно заставляют «принимать их за рассуждения» [16; 4,2; 112]. Точкой отсчета для Цветаевой становится несовершенство формулы «Познай самого себя!» в отношениях с *другим*: «Познала. – И это нисколько не облегчает мне познания другого. Наоборот, как только я начинаю судить человека по себе, получается недоразумение за недоразумением» [16; 4,2; 112]. Несовершенство метода анализа и аналогий приводит к, на первый взгляд, смутным размышлениям «о бытии и небытии в любимом», которые, будучи рассмотренными в контексте иных дискурсов, проясняются. Так, М. Бахтин пишет: «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в *глаза другому или глазами другого*» [2; 312]. Мотив *другого* как границы присутствует и в стихотворении А. Фета «Как мне решить, о друг прелестный...»: «Один другому лишь граница, / И оба вместе лишь одно» [14]. Уже эти контексты не только коррелируют с замечанием Цветаевой: «“Ты” и “я” – пограничный столб, делящий Тамбовскую и Рязанскую губернию – мнимость» [15; 318], – но и могут вполне прояснить утверждение об уничтожении себя в другом («Я хочу в тебе уничтожиться, то есть я хочу быть тобой. Но тебя уже в тебе нет, ты уже целиком во мне. Пропадаю в собственной груди (тебе). Я не могу пропасть в твоей груди, потому что там тебя нет. Но может быть я там есть? (Взаимная любовь. Души поменялись домами.) Нет, и меня там нет. Там ничего нет. Меня же нигде нет. Есть моя грудь – и ты. Я тебя люблю тобой. Захват? Да. Но лучше, чем товарообмен» [16; 4,2; 113–114]), и о специфике отношения поэта к своей Психее («Для меня тебя в тебе нет, ты вся во мне» [16; 4,2; 114]), а также «захвата другого», который «только в нас», и его утраты: «Когда я ухожу из человека, мне кажется, что он кончается, перестает быть» [15; 232]. Особенно важ-

ной в этой связи становится парадоксальная мысль, оборачивающаяся раскрытием цветаевского неприятия взаимности, причин ее невозможности, так как обретение любимого, единение с ним в себе делает «ответно любящего» *другим*: «Любовь для меня – любящий. И еще ответно любящего я всегда чувствую третьим. Есть моя грудь – и ты. Что здесь делать другому? (действенности его?) Ответ в любви – для меня тупик. Я ищу не вздохов, а выходов» [16; 4,2; 114]. *Другой* мыслится не как статично явленный мир, не как факт, но как «действенность» / процессуальность. И если учесть, что «причастие (т.е. действующее начало) предстает как выделенный объект» [3], т.е. превращается в буберовское Я-Оно, то очередное «темное место» размышлений о местоимениях в поэтическом дискурсе Цветаевой («Но не скрою, друг, что по сей день, при упоминании Вашего имени, под слоем презрения и забвения что-то живет: болит – весь мой Вы, неосуществившийся, Ваша я, могшая осуществиться только через Вас – и ни через кого другого (вот смысл местоимений мой, твой), проще мы (после я и ты не он, а – мы! Он – это опять я! и та же его одинокая мука)». [15; 394]) оказывается бесконечно проясненным, проливая свет и на выбор поэтом имени для отношения Я-Ты: «При моей 1) учтивости 2) хищности (а другого получаешь только им же. Я – по крайней мере. Наталья Гончарова, напр., Пушкина – собой. Как Лиля Брик – Маяковского. Собой, т.е. пустотой (красотой)) – итак: при моей учтивости и хищности это думанье вслух – всецело от Вас. При всем желании не могу сосредоточиться на Вас, п.ч. «на Вас» это уже – другой, а здесь, – ни меня ни Вас: одно: – что? (М. б. это и есть дружба? П. ч. любовь определена два, двое – которые друг в друга ломаются и друг о друга расшибаются: рог о рог и лоб о лоб.)» [15; 39].

Нельзя не заметить, что цветаевский поэтический дискурс отразил возможность смены не только имен отношений с *другим*, но и «персон», играющих роль *другого*. И это специфика творческого сознания поэта, которое Цветаева определила и как «вереницу вытекающих друг из друга отречений», и как «мысль работавшую на всем протяжении его мозга» [15; 178]. Ж. Делез и Ф. Гваттари указывают на проблему «множественности субъектов, их взаимоотношений, их взаимопредставления»: «Действительно, стоит отождествить его с некоторым особенным объектом, как Другой уже оказывается всего лишь другим субъектом, который предстает мне; если же отождествить его с другим субъектом, то тогда я сам есть

Другой, который предстоит ему» [6; 27], – которая может прояснить представления Цветаевой о *другом* как возможном вместилище собственного Я, столь категорично выраженные уже в 1919 году: «Спасти меня сейчас может только новая любовь, со всем пафосом самоуничтожения в другом. Но это должен быть человек, который сможет вместить меня, т.е. бездна» [16; 4,2; 168]. Причем, в соответствии с наблюдением дочери поэта, бездна – это небо. М. Цветаева тоже мыслит небо как «безмерное место для» [15; 220], а *другого* как небо: «Купить меня можно – только всем небом в себе! Небом, в котором мне может быть даже не будет места» [16; 4,2; 97]. Погружение в себя, *другого*: «Чувство: ничего не опережать, заострить внимание и вглубь (себя, другого)»; «Я никогда не хочу на грудь, всегда в грудь! Никогда – припасть! Всегда пропасть! (В пропасть)» [16; 4,2; 113], – подобно творчеству: «Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет – однажды – внезапно – возвратит фонтаном, перестрадав, просветлев: глубь, ставшая высью» [16; 7,1; 65]. *Другой* становится не предметом любви, а самой любовью – жестом / событием, которое собственно и определяет его концептуальность, в соответствии с утверждением Ж. Делеза: «Концепт – это событие, а не сущность и не вещь» [6; 33], – и Цветаева подробно повествует об этом: «Моя любовь всегда была лишь отрешением от объекта – отрешением в двух смыслах: отделиться и очистить (удалить пятна) <по-французски – игра слов>. Я начинаю с отделения и очищения его – от всего и вся, а затем, когда он свободен и чист (лишен пятен), я оставляю его – предоставляя его собственной чистоте и одиночеству» [15; 612].

«Когда уже ничто не мое – все мое!» – утверждает поэт, словно отвергая, подобно М. Буберу, саму возможность рассмотрения Я-Ты в череде взаимосвязей и взаимозависимостей и потому «прямой дорогой» приводя его не только к «чистоте и одиночеству», но и к смерти, которая сама есть «конец пространству и времени» [15; 204]. Цветаева пишет: «“не будь” захвата – это последний отказ, дающий последнюю власть», – словно лишая Ты возможности превратиться в «объектность», ибо, по М. Буберу, «сущности переживаются в настоящем, объектности в прошедшем времени» [3]. В цветаевских «Земных приметах» наиболее «темным» (и одновременно многое проясняющим в аспекте «изысканности») Ты-другого из пространственно-временного континуума) местом является повествование о сущности любви: «Тристан и Изольда: любовь в себе. /.../ У них ничего

не было. /.../ За ними – ничего, перед ними – Ничто. /.../ Время стояло. Мир назывался лес. Лес назывался куст, куст назывался лист, лист назывался ты. Ты называлось я. Небытие в пустоте. Фон – как отсутствие, и отсутствие – как фон. И любили» [16; 4,2; 119]. Описание «ноуменального» чувства как «слиянности» Я-Ты в пустоте не только коррелирует с буберовским тезисом: «Если я обращен к человеку, как к своему Ты /.../, то он не вещь среди вещей и не состоит из вещей... он не есть точка, отнесенная к пространственно-временной сетке мира, и не структура, которую можно изучить и описать – непрочное объединение обозначенных словами свойств» [3], – но и актуализирует еще один дискурс – метаязыковой (металингвистический). Размышления Цветаевой могут быть представлены в качестве примера трансформации слова во внутренней речи, о специфике которой размышлял Л. Выгодский [4], отмечая, что главным свойством ее является «утрата» словом предметного значения-именования и обретение им смысла в контексте (мир-лес, лес-куст, куст-лист, лист-ты, ты-я), что делает его подобным слову, с одной стороны, образному, имени образа, который фокусирует в себе смысл повествования («Тристан и Изольда: любовь в себе»), а с другой – неаналитичному, которое обеспечивает «молчание с Ты», столь необходимое, по Буберу, для свободы Ты: «молчание всех языков, безмолвное ожидание в не оформленном, в нерасчлененном, в доязыковом слове оставляет Ты свободным, позволяет пребывать с ним в той затаенности, где дух не проявляет себя, но присутствует. Всякий ответ втягивает Ты в мир Оно» [3].

Удивительным образом Цветаева совпадает с М. Бубером в большей степени, чем с М. Бахтиным, в функционале *другого*: его необходимости, но не в роли оппонента, не в качестве каузатора диалога, а как адресата текста в беседе («И – если даже диалог – то две партитуры одной тоски. Словом, беседа...» [16; 5,1; 317]). Причем в утверждении философа нельзя не обратить внимания на созидательность именно «врожденного Ты»: «...стремление к творчеству (стремление к созданию вещей синтетическим или, если это невозможно, аналитическим путем – расчленяя и разрывая) также определяется врожденным Ты, так что происходит «персонификация» созданного, рождается “беседа”» [3]. Неоднократно Цветаева будет подчеркивать ненужность *другого* поэту: «Как поэту – мне не нужен никто». Для нее именно «со-бытие – СО ВСЕМ» [15; 114], что «так прекрасно спелось», попадает в особую авторскую кагорту «умыс-

лов» («– Не жалеите! Все сбылось, // Все в груди слилось и спелось...»); «Господи! Душа сбылась: // Умысел твой самый тайный»), которые нуждаются в воплощении. Но если поэтический текст («Я – деревня, черная земля. // Ты мне – луч и дождевая влага» [16; 1; 410]) или текст поэта («Как женщине, т.е. существу смутному, мне нужна ясность, – и существу стихийному – мне нужна воля: воля другого к лучшей мне» [15; 259]; «А чудо вот в чем: мне нужен дом, дом для каждой моей тоски /.../ для голоса каждой фабричной трубы во мне, мне нужна бесконечная бережность и, одновременно, сознание силы другого, дающее нам покой» [15; 265]) адресованы явно *другому*, то «*Contraria sunt complementa*!». Именно «принципом дополнительности», которым пронизан поэтический дискурс Цветаевой и, вероятно, обусловлено многообразие репрезентации в нем концепта *другой* (интенционалы универсального компонента которого в большей степени соотносимы с философским знанием и наивным представлением о явлении, попадающем в разряд общекультурных ценностей), может быть объяснен и отмеченный поэтом феномен восприятия ее самой *другими*: «Есть во мне что-то, что вопреки всем моим уверениям, всему моему *явному* уничтожению в другом и вразрез со всем беспримечным людским тщеславием, заставляет говорить всех, кого я любила: – “Вы не меня любите. Вы любите что-то *другое*”» [16; 4,2; 169].

Список литературы

1. Бальмонт К.Д. К случайной. Доступно по URL: <http://rupoem.ru/balmont/oprokinulos-nebo-odnazhdy.aspx>.
2. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 308–327.
3. Бубер М. Я и Ты. Доступно по URL: lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt.
4. Выгодский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. – М., 1982. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – С. 5–361.
5. Глинка Ф.Н. В защиту поэта. Доступно по URL: <http://rupoem.ru/glinka/dva-ya-borolisya.aspx>.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое концепт? // Что такое философия? – М., СПб., 1998. – С. 25–47.
7. Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. – М., 1991. – Т. 1. – С. 176.
8. Коркина Е.Б. Летопись жизни и творчества М.И. Цветаевой. [В 3 ч.] Ч. I: 1892–1922. – М., 2012. – 192 с.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М., 2000. – С. 427–457.
10. Манделштам О.Э. Слово и культура. – М., 1987. – 320 с.
11. Новейший философский словарь. Доступно по URL: <http://enc-dic.com>.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М., 2004. – 639 с.

13. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4-х т. Т. 2. Д-Л. – М., 1998. – 552 с.

14. Фет А. «Как мне решить, о друг прелестный». Доступно по URL: az.lib.ru/f/fet_a/text_0050-1.shtm.

15. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. – М., 1997. – 640 с.

16. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1997. – В тексте статьи указаны том, книга и страницы.

17. Шлемова Н.А. Эстетика трансцендентного в творчестве Марины Цветаевой. – М., 2007. Доступно по URL: <http://olrs-glagol.ru/3205/estetika-transcendentnogo...mariny...>

References

1. Bal'mont K.D. *K sluchajnoj* [To the casual], available at: <http://rupoem.ru/balmont/oprokinulos-nebo-odnazhdy.aspx>.
2. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [The aesthetics of verbal creativity]. M., 1979. pp. 308–327.
3. Buber M. *Ya i Ty* [Me and you], available at: lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt
4. Vygotskij L.S. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. M., 1982. Vol. 2. pp. 5–361.
5. Glinka F.N. *V zashchitu poeta* [In defense of the poet], available at: <http://rupoem.ru/glinka/dva-ya-borolisya.aspx>.
6. Delez JH., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] M., 1998. pp. 25–47.
7. Ivanov V.V. *Mify narodov mira. Jenciklopediya* [Myths of people of the world. Encyclopedia]. Vol. 1. M., 1991.
8. Korcina E.B. *Letopis' zhizni i tvorcestva M.I. Cvetaevoj* [Chronicle of the life and work of Tsvetaeva]. Vol. 1: 1892–1922. M., 2012.
9. Kristeva Yu. *Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to post-structuralism]. M., 2000. pp. 427–457.
10. Mandel'shtam O.E. *Slovo i kul'tura* [The word and the Culture]. M., 1987.
11. *Novejsnij filosofskij slovar'* [Newest Philosophical Dictionary], available at: <http://enc-dic.com>.
12. Sartr Zh.-P. *Bytie i ничто: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness]. M., 2004.
13. *Slovar' poehticheskogo yazyka Mariny Cvetaevoy. V 4 t. T. 2. D-L.* [Glossary of Tsvetaeva's poetic language]. M., 1998.
14. Fet A. «*Kak mne reshit', o drug prelestnyj*» [How can I solve...], available at: az.lib.ru/f/fet_a/text_0050-1.shtm
15. Cvetaeva M. *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [The unpublished. Summary writing-books]. M., 1997.
16. Cvetaeva M. *Sobr. soch.: V 7 t* [Collected works in 7 volumes]. M., 1997.
17. Shlemova N.A. *Estetika transcendentnogo v tvorcestve Mariny Cvetaevoy* [Transcendental aesthetics in the works of Marina Tsvetaeva]. M., 2007, available at: <http://olrs-glagol.ru/3205/estetika-transcendentnogo...mariny...>

Рецензенты:

Холодова З.Я., д.фил.н., профессор кафедры теории литературы и русской литературы XX века, Ивановский государственный университет, г. Иваново;

Тюленева Е.М., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой теории литературы и русской литературы XX века, Ивановский государственный университет, г. Иваново.

Работа поступила в редакцию 25.08.2014.